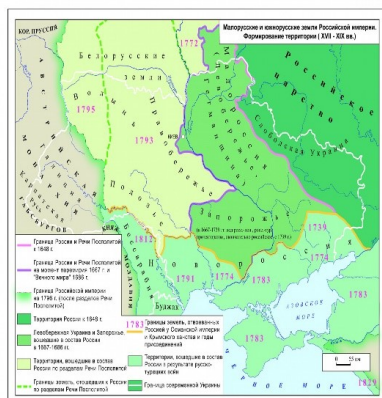

XX век для нашей страны и для мирового сообщества был омрачен возникновением на территории Германии идеологии нацизма, исходящей из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим. Последствием возникновения в Германии идеологии нацизма стала одна из самых кровопролитных и масштабных войн в истории в истории человечества. После случившегося вопрос национализма был досконально исследован многими историками, философами и политологами, до недавнего времени в глазах современной общественности националистическая идеология стала не более чем уроком истории и увлечением немногочисленных маргинальных групп. В начале XXI века человечество снова столкнулось с последствиями культивирования этой идеологии на территории украинского государства, что, в свою очередь, доказывает актуальность исследования культурных и исторических событий, способствующих зарождению национализма.

Истоки идеи

Рассматривая формирование явления украинского национализма, возможно заметить его тесную связь с донационалистическими течениями малороссийской общественной мысли и политикой властей Российской Империи в конце XVIII – первых десятилетиях XIX века способствовавшей формированию оппозиционного политического самосознания.

В первой половине XVIII века позиция управленческой элиты Малороссии (гетманской старшины) заключалась в отстаивании своей автономии, а в последней трети XVIII – начале XIX века – в способах интеграции старшины в состав российского дворянства. Например, депутаты, посланные от Малороссии в Уложенную комиссию в 1767 году, отказывались участвовать в обсуждении общих законодательных мер, полагая что их это не касается, так как территория Гетманства, находилась на особых условиях управления с отдельными узаконениями. Соответственно, гетманская старшина выступала против уравнивания себя с дворянским сословием империи, настаивая на своих особых правах.

После того, как в период с конца 1760-х до 1790-х годов автономный статус был практически ликвидирован, возник вопрос о статусе местной старшины и польско-литовского дворянства. Первоначально предложенное решение о приравнивании к российскому дворянству в 1790-е столкнулось с сопротивлением со стороны центрального правительства так как количество претендентов на дворянство на территории Гетманства по отношению к численности дворян в великороссийских губерниях было непомерно велико. К 1830-м годам проблема все же была решена в соответствии с первоначально предложенным вариантом. Однако сама ситуация на протяжении более чем тридцати лет была весьма болезненной, в связи тем, что должности, занимаемые ранее в Гетманстве, не были приравнены к общеимперским чинам. Соответственно, лица, занимавшие эти должности, и их наследники не имели права апеллировать к табелю о рангах.

Тем самым для местной старшины и шляхты в рамках диалога с центральной

властью было крайне принципиальным отстаивание двух тезисов:

- автономия Гетманства и его вхождение в состав Московского царства на условиях договора и сохранение данного статуса вплоть до последующих времен. Гетманство (Малороссия) рассматривались как самостоятельное образование, соединённое унией с московским царём, а впоследствии – с российским императором;

- дворянский характер казацкой старшины (косвенное уравнение с польской шляхтой и через это с европейским дворянством, т.е. с теми, чей статус сомнению не подвергался).

Первый тезис был автономен от второго, но второй зависел от первого. Если Малороссия вошла под власть Московского Государя на условиях соглашения, то власть последнего была обусловлена соблюдением данных условий с обеих сторон. Примером исторического труда, направленного на обоснование данной позиции, служит известная «История Русов»

(написанная в виде политического памфлета, на территории Малороссии в конце 1810-х годов). В ней, прежде всего, подчёркивается верная и славная служба малороссийского казачества Государю, также, с другой стороны, в данной работе приводятся нарушения малороссийских прав-привилегий со стороны центральной власти. Оба этих сюжета доказывают, что стороной, не соблюдающей свои обязанности, является центральная власть.

Таким образом для польского дворянства и старшины речь шла не о «народе» («нации»), а о своём месте в имперской иерархии. Культивирование исторических преданий и «воспоминание» (создание) «исторических прав и привилегий» преследовали цель улучшить собственные позиции и добиться наиболее приемлемых условий конвертации своего прежнего статуса в новый.

Принципиально важную роль в формировании раннего украинского национализма играло сочетание ряда обстоятельств:

- затянувшееся неопределённое положение части гетманской старшины;

- необходимость отстаивать своей позиции вовне и, одновременно с этим, укреплять внутреннюю солидарность;

- формирование и развитие данной идейной позиции происходило в условиях, начавших складываться национальных движений – почти синхронного польского и немецкого, а за тем славянского «возрождения» 1820–1840-х годов.

В результате идея была подхвачена и унаследована новым движением, которое получило не только живую связь с традицией, но и поддержку со стороны защитников «гетманской старины». Антиквары, наследники старшины, жившие родовыми преданиями, культивирующие и модифицирующие их как фактор собственной идентичности оказались в тесном взаимодействии с молодыми националистами, что и привело в 1830 – 1844 годах к началу становления движения «Украинофильства».

Украинофильство

«Украинофильство» является одним из националистических движений XIX века. «Украинофильство» выступало политическим врагом в глазах имперского центра и русских националистов, польских националистических партий и венской администрации, галицийских москвофилов и украинских националистов последующих десятилетий, не говоря уже о сторонниках интегрального национализма.

Зарождение

Движение «украинофилов» образовалось вокруг «Братства Кирилла и Мефодия». Как и большинство из интеллектуальных обществ XIX–XX веков, оно имело небольшой состав участников и ограниченное время существования.

«Кирилло-Мефодиевское братство» – тайная политическая антикрепостническая организация была создана Н.И. Гулаком, Н.И. Костомаровым и В.М. Белозерским в январе 1846 года в Киеве. Целью организации было создание славянских демократических республик и образование их союза. Его центром должен был стать Киев. Особая роль в этом союзе предназначалась украинскому народу, который, по мнению членов общества, унаследовал от казачества свободолюбие и приверженность к демократии.

В братстве существовало два течения: либерально-буржуазное (эволюционное) и народно-демократическое (революционное). Соглашаясь в отношении общих принципов, участники этих групп расходились в вопросе о том, что считать первоочередным и главнейшим. К первому направлению принадлежали Н.И. Костомаров, В.М. Белозерский, А.В. Маркович, А.Д. Тулуб, Д.П. Пильчиков, П.А. Кулиш, Н.И. Савич. Они провозглашали единство и братство славян, важность развития украинской культуры. Революционно-демократические взгляды разделяли Т.Г. Шевченко, Н.И. Гулак, А.А. Навроцкий, И.Я. Посяда, Г.Л. Андрузский.

Братство основывалось на христианских и панславистских идеях и считало своей целью либерализацию политической и культурной жизни в рамках панславянского союза народов. Главной задачей организации ставилось национальное и социальное освобождение Украины (ликвидация крепостного права, сословных привилегий, провозглашение свободы совести и др.). Осуществления своих политических идеалов общество предполагало добиться мирным реформистским путём, сообразно с «евангельскими правилами любви, кротости и терпения».

В «Книге бытия украинского народа» Николай Костомаров выдвинул тезис о двух русских народностях, доказывая существование отдельной «южнорусской» народности. Программные положения книги нашли практическое осуществление в призывах Кирилло-Мефодиевского братства «Братья украинцы!» и «Братья великороссияне и поляки!» В этих документах был призыв к народам объединиться в Союз славянских республик, создать славянскую федерацию с демократическими институтами. Кирилло-мефодиевцы пропагандировали свободу, равенство, братство как основу нового общества. Конкретные меры для достижения этого виделись в отмене крепостничества, ликвидации юридических отличий между сословиями, доступности образования для трудящихся.

Братство разработало широкую программу, которая также стала указателем для его

последователей. Принципиально также было и то, что Кирилло-Мефодиевское братство стало самостоятельным и самобытным политическим формированием, которое организационно не подчинялось, а идеологически не повторяло современные ей политические организации.

Первая волна украинофильства

На волне как обретённого круга единомышленников, так и общественного подъёма в Западной Европе, сказывающегося в России (время оживлённой полемики западников и славянофилов, деятельности кружка петрашевцев и т. д.) сформировался ранний вариант украинофильства – романтический национализм. Он рассматривал Украину как «Христа среди народов, будущий центр славянского мира, долженствующий возвестить ему и через него остальному миру истинные начала свободы, федеративный союз народов – равных с равными, построенный на принципе братства, т. е. свободный от польского аристократизма и московского подчинения власти».

3 марта 1847 года студент Киевского университета А. Петров донёс властям о тайном обществе, которое он выявил во время одной из дискуссий, которые проводили «братья». В марте-апреле братство было разгромлено жандармами и большинство членов заключено в тюрьму или сослано.

С воцарением на русский престол императора Александра II в 1856–1860 годах началось время общественного оживления, «оттепели» (по выражению Ф. Тютчева), когда всякое новое, ранее запрещённое направление общественной мысли и общественной деятельности встречалось с одобрением, например, Н.Г. Чернышевский в «Современнике» не только одобрительно высказывался о прошлом славянофильства, но и приветствовал его, выражая надежды в адрес только что появившегося славянофильского журнала «Русская Беседа».

Московские славянофилы воспринимали украинофильских деятелей как союзников. Более того, в самом «украинофильстве» ещё не было определённости, поэтому симпатии славянофилов и их связи одновременно были направлены и на П.А. Кулиша и Т.Г. Шевченко. В общем имперском контексте это воспринималось скорее в логике оживления «местных сил», популярной в это время риторики «децентрализации».

В период с 1856 по 1859 год среди украинофилов неоднократно возникала мысль о собственном журнале, которая в конечном итоге привела созданию журнала «Основа», издававшегося с 1861 года.

Несмотря на совсем непродолжительное время своего существования, его роль в развитии украинофильства трудно переоценить: прежде всего, это направление общественной мысли громко заявило о себе и стало предметом широкой полемики. Одновременно журнал привлек разнообразных сторонников и сочувствующих, создал и укрепил связи, побудил к новым произведениям в разных жанрах украинской литературы. Во многом благодаря ему возникло второе поколение украинофильства.

Но уже в начале шестидесятых годов деятельности украинофилов привлекла внимание как общественности, так и властей и на смену прежней общей доброжелательности пришло разнообразие позиций. Уже первые публикации «Основы» вызвали критические выступления со стороны славянофильского «Дня». Одновременно более определённым стало отношение к украинофильству в малороссийском образованном обществе. Заявленная программа одних привлекла, для других оказалась неприемлемой. Идеи национальных движений и исходившая от них опасность были осознаны частью высшей бюрократии, что повлекло за собой в 1862 году на территориях южнорусских губерний начало принятия ограничивающих мер в отношении украинофильских деятелей.

18 (30) июля 1863 года министр внутренних дел Российской Империи П.А. Валуев направил в Киевский, Московский и Петербургский цензурные комитеты предписание («Валуевский циркуляр») о приостановлении печати на «малороссийском языке» религиозной и учебной литературы, предназначенной для начального чтения. К пропуску цензурой разрешались «только такие произведения на этом языке, которые принадлежат к области изящной литературы». Поводом для предписания П.А. Валуева послужило Польское восстания 1863-1864 годов. Первоначально предполагалось, что действие циркуляра будет ограничено исключительно периодом польского восстания, однако на практике он применялся до 1868 года.

«Высочайше одобренный» циркуляр выражал точку зрения российского правительства в отношении «малороссийского» языка. Опираясь на

высказываемые в прессе (например, в киевском «Вестнике Юго-Западной России») и Киевском цензурном комитете мнения об употреблении малороссийского наречия Валуев писал: «... большинство малороссов сами весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка не было, и нет и быть не может, и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, испорченный влиянием на него Польши...»

В течении 7 лет после издания «Валуевского циркуляра» вышло всего 23 книги на украинском языке, столько же, сколько за один 1862 год, что в совокупности с закрытием журнала «Основа», ссылкой одних украинофилов и переездом в Польшу других привело за эти 7 лет украинофильское движение в практически неактивное состояние.

Вторая волна украинофильства

После прекращения действия «Валуевского циркуляра» 1868 году в лице следующего поколения – В. Антоновича, М. Драгоманова и др. начинается период второй активизации украинофильства. При этом антиукраинофильская активность в большинстве случаев также исходила именно от местных деятелей.

В целом период с 1860-х и вплоть до конца 1870-х годов характерен тем, что украинофильство смогло обрести центр движения «на месте», в первую очередь в Киеве, но также в других городах Юга России. В 1868 году было создано общество «Просвіта» («Просвещение»), занимавшееся распространением украинской литературы и культуры и сыгравшее важнейшую роль в формировании идей украинского национализма. В 1869-1873 годах было опубликовано три книги, которые могли попасть под действие циркуляра. В 1874-1876 годах вышла 71 книга на украинском литературном языке. Подавляющее большинство было напечатано в Киеве.

Так же стоит отметить, что как раз в это время власти столкнулись с проблемой отсутствия последовательной политики в отношении национальных движений. «Украинскому вопросу» уделялось внимание ситуативно, в связи с каким-либо конкретным обострением обстановки или действиями влиятельных особ, способных донести свое видение до правительства и двора. Принятие решения оказывалось единичным актом. В начале 1860-х, осознав угрозу поднимающихся

национальных движений, в первую очередь через массовое образование на местных языках имперские власти ограничились только запретами на заведение народных школ, недопущением «украинского языка» в народное образование, запретом печати народных книг и проповеди на украинском языке.

Ограничительная политика оказалась недостаточной. Во-первых, она оставила неудовлетворёнными реально существовавшие потребности. Во-вторых, создала и укрепила обоснованное недовольство и со стороны образованных слоёв общества, которым не позволялась самодеятельность в сфере народного образования. В-третьих, не подкреплённая позитивными действиями, упустила время, позволяя альтернативным позициям укрепиться и набрать сторонников или укрепить их преданность себе.

Эмский указ 1876 года и в особенности отказ от его пересмотра в 1880–1882 годах привёл к тому, что центр украинофильского, постепенно преобразующегося в украинское, движения перешёл в Галицию. В результате власть утратила возможность эффективного контроля над украинским национальным движением, одновременно радикализировав его. Итогом этого решения, внешне заморозившего «украинский вопрос» более чем на четверть века, стал уход движения из публичного пространства. Лишённое возможности для скольких-нибудь значимых действий в пределах империи, оно одновременно выработало язык подчёркнутой лояльности, сосуществования с местной и центральной администрацией, и в то же время скрытых радикальных ожиданий, то есть было выведено из пространства реальной политики, подталкивавшей к компромиссам и переговорам.

Поскольку основным ядром, как в финансовом, так и в кадровом вопросе, украинского национального движения оставалась Наднепрянская Украина, а возможности для деятельности в её пределах оказались крайне ограничены, то это естественным образом привело не только к радикализации, но и к переориентации движения на внешние силы. Собственное бессилие и отсутствие надежд договориться с центральной администрацией формировало, естественным образом, надежду на некую внешнюю силу (так, например, в середине 1880-х были распространены слухи об О. фон Бисмарке и его планах по созданию «Киевского княжества» и т.п.).

Предпосылки зарождения украинства

После 1876 года начинается процесс исчерпания идеи «украинофильства». В 1880–1882 годах на волне обсуждаемой в верхах возможности пересмотра Эмского указа и новой, связанной с либерализацией 1880 года, полемикой по украинскому вопросу в печати, Н.И. Костомаров в последний раз выступает в защиту украинофильства. В серии статей, опубликованных в этот период, как декларативных, так и полемических, он с одной стороны повторяет аргументацию начала 1860-х годов, а с другой – добавляет к ней новые тезисы. Из числа последних обращает на себя внимание стремление задействовать столь важный для имперской политики этого времени конфессиональный аспект. Н. Костомаров говорит о потребности «вторичной христианизации» в рамках меняющегося типа религиозности; о переходе от прежней групповой к индивидуальной религиозной идентичности, интериоризации религиозных представлений; о необходимости «возрождения» приходской жизни, активности священников, в том числе в деле проповеди. Эта проблематика активно обсуждалась в печати с 1860-х годов. Назначение нового обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева дополнительно стимулировало интерес к данной теме. С 1880 года эти темы, обсуждаемые в печати, Н.И. Костомаров увязывает с введением проповедей на украинском языке, так как они должны вестись на понятном для прихожан (то есть украинских крестьян) языке.

Для функционирования «украинского языка» Н.И. Костомаров предлагал два варианта. Первый – как язык литературы «о народе», ограниченный своими сюжетами из простонародного быта и реалий. Второй – как язык начального обучения одновременно с «общерусским», как способ повышения эффективности и привлекательности обучения грамоте и вхождения в общерусское культурное пространство всё это вызвало критику со стороны М.П. Драгоманова, который отмечал, что подобный подход приведет к тому, что «украинский язык» станет я бы то ни было компромиссов.

Степень умеренности не давала гарантий выигрыша. Противоположная сторона отказывалась рассматривать любые предложения, бескомпромиссно утверждая собственное видение, но при этом не располагая достаточными ресурсами для проведения позитивной политики. Так, сеть школ с обучением на русском языке в южнорусских губерниях начала развиваться только с конца 1880-х годов, но так и осталась в неудовлетворительном состоянии вплоть до 1905 года.

При этом власти все больше отказывались от запретительных мер. Так, в Киеве силами местной громады (форма местной общественной организации в движении

украинофилов) издавался журнал «Киевская Старина», который по докладу А.Ф. Бычкова при содействии Н.И. Костомарова получил санкцию министерства народного просвещения и был рекомендован к выписыванию средними учебными заведениями. Правительственную политику в некоторых аспектах можно назвать провоцирующей. Так, поскольку художественные произведения на украинском не допускались, но дозволялись этнографические публикации и приведение соответствующих цитат, то в произведениях, написанных по-русски, речь персонажей допускалась по-украински.

Аналогично украинские громады, не разрешённые официально, практически открыто действовали в большинстве городов, формально являясь дружескими встречами при соблюдении законности. Многие из того, что официально являлось запрещённым, в действительности молчаливо допускалось. Например, не было существенных препятствий ввозу галицийских изданий, если они не носили радикального содержания.

Ограниченными, а местами символическими репрессиями, правительство само подпитывало оппозиционные настроения даже среди самых умеренных украинофилов. Эти репрессии носили избирательный характер, и тем самым становились образцовым воплощением произвола. Они были достаточны для того, чтобы вызывать крайнее недовольство, но совершенно недостаточны для подавления или запугивания нарушителей. Правительственная политика оказывалась недостаточной для блокирования распространения украинских настроений среди интеллигенции. Интеллигенция в это время активно увеличивалась, в том числе за счёт растущего числа сельских учителей, через которых украинофильские и украинские идеи проникали в народ. После манифеста 17 октября 1905 года распространение украинского языка и вообще получило полную свободу.

Вместе с тем, несмотря на значительный рост движения в южнорусских губерниях в 1905 году, ситуация уже к 1907 году продемонстрировала ограниченность украинского националистического движения. Более того, в условиях допущения существенной свободы «украинства», снятия ограничений, наложенных Эмским указом 1876 года, оказалось, что после революционного всплеска 1905–1906 годов оно имело минимальные возможности для распространения.

Фактическое прекращение в 1905 году репрессий против «украинофильства» (которое теперь стало синонимом «культурничества») и допущение умеренных

форм украинского национального движения в публичное пространство привели к существенным изменениям, поскольку открылась возможность для компромиссных форм взаимодействия. Именно в это время были заложены основы для создания в последующем консервативного украинского политического движения – партии «хлеборобов».

После 1905 года оказалось востребованным политическое наследие М.П. Драгоманова, выступавшего одновременно одной из основных фигур «общерусского» либерального, конституционалистского движения и в то же время деятелем украинского социализма. Таким образом, после 1905 года были созданы условия для преобразования идей «укаинофильства» в «украинство».

Формирование украинства

Украинство (укр. українство), украинская идея, украинский национальный проект – один из вариантов формирования национальной идентичности восточнославянского населения юго-западных губерний Российской Империи, происходившего на рубеже XIX и XX веков. Отстаивало позиции автономизма, позже полной независимости, самостоятельного государственного строительства и политической ориентации на Запад. Противопоставляло себя основной на тот момент малороссийской идентичности, а также галицкому русофильству («москвофильству»), которые стояли на позициях единства Руси. Понятие «украинство» получило распространение в публицистической и научной среде конца XIX – начала XX века в австро-венгерской Галиции, затем в Российской Империи как среди самих укаинофилов, так и среди их оппонентов – представителей русского (русофильского) движения.

Среди исследователей отсутствует единая точка зрения о времени и месте преобразования «укаинофильства» в политическое «украинство». Также дискуссионным является вопрос об основных движущих силах его формирования.

По мнению философа В.Б. Колмакова, украинству в Российской Империи в 1840-е годы положило начало Кирилло-Мефодиевское братство. По словам исследователя, оно, находясь «под явным польским влиянием», ориентировалось на «достижение единственной цели: отделить малороссов от России не только в культурном, но и в политическом смысле, сделать из них украинцев».

Как отмечено ранее, в 1847 году ряд членов «Кирилло-Мефодиевское братства» были арестованы и высланы, но в 1850-1860-е годы деятельность общества была возобновлена. Одновременно наметился раскол между сторонниками украинской и малороссийской ориентации. Данное противостояние усилилось после Валуевского циркуляра (1863) и Эмского указа (1876). Однако даже среди сторонников украинства вплоть до конца XIX века за немедленное отделение Украины выступали очень немногие.

В юго-западных губерниях в условиях действия запретов на использование украинского языка в образовании и науке активисты украинского национального движения стали предъявлять все больше требований о предоставлении самостоятельности украинскому этносу, а именно автономии и преобразование России в федерацию, с Украиной в качестве одного из ее членов.

Так же 1860–1870-х годы на идеях Михаила Драгоманова, который «под влиянием марксизма проповедовал социализм и утверждал, что украинская нация должна вернуться в семью культурных европейских народов, в которую она входила до конца XVII века» произошел, по мнению историков, новый подъем украинства. Драгоманов выдвинул первую социально-политическую программу постепенного развития украинского народа и литературы, борьбы за права украинцев. В частности, он в своей работе «Литература русская, великорусская, украинская и галицкая» разработал план литературных трудов, которые могли бы вывести украинскую литературу в России из маргинального состояния, а галицкой придать статус самостоятельной литературы.

Русскими властями украинство в этот период рассматривалось как течение «беспочвенное, искусственное, изменническое». Его опасность заключалась в нацеленности «на разрушение единства русской нации и государства, на то, чтобы отобрать тем самым часть национальной территории вместе с Киевом – „матерью городов русских“».

Следующий этап украинского движения начался с создания в русской Украине «Братства тарасовцев», а потом и украинской радикальной партии в 1890-1900 годах, когда были озвучены лозунги украинского (теперь уже действительного, а не воображаемого) сепаратизма. Основное направление украинского движения, которое только в 1880-1890-е гг. вышло на политическую арену, было

федералистским.

«Товариство українських поступовців», украинские партии в 1905-1906 годах (кроме УРП) были федералистским также, как и в Галиции, где задачей радикалов была работа над сознанием и общественной активностью народа. Так украинское движение перешло в новую эпоху – XX век с политическими массовыми партиями и борьбой за национальное самоопределение.

Таким образом, идея культивирования и распространения исторических преданий, начавшая зарождаться в конце XVI века среди гетманской старшины в качестве одного из аргументов в пользу поддержания, легитимизации (обоснования) и укрепления своих позиций в иерархии власти Российской империи с течением времени, будучи подхваченной разными по направлению мысли и периоду активности группами местной интеллигенции, под воздействием их мировоззрений и политических событий XVI – XIX веков, трансформировалась в фундамент украинского национализма.

Максим Эльяс, студент МГТУ им. Н.Э. Баумана

Примечание: Желющие получить список использованных источников, оставить адрес в комментариях.

(Продолжение следует)